

УДК 903.5 (572)
DOI 10.17223/19988613/43/32

А.Г. Козинцев

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ЛИНГВИСТИКИ, ПАЛЕОГЕНЕТИКИ И АРХЕОЛОГИИ

Обособление анатолийской ветви индоевропейской языковой семьи в V тыс. до н.э. трудно соотнести с экспансией степных (предположительно индоевропейских) групп на Балканы, а оттуда в Анатолию не ранее конца IV тыс. до н.э. Зато предположение о том, что энеолитические обитатели степи изначально говорили на неиндоевропейском языке, косвенно подтверждается данными всех рассмотренных дисциплин. Индоевропейский язык, видимо, был принесен на Северо-Западный Кавказ, а затем и в степь в домайкопскую эпоху (V тыс. до н.э.), до появления колесного транспорта, популяцией ближневосточного происхождения, смешение с которой привело к появлению кавказского компонента в генофонде степных групп.

Ключевые слова: индоевропейцы; индоевропейская прародина; индоевропейские миграции; энеолит.

Выводы генетиков о решающей роли «ямного» вклада в формировании генофонда людей культуры шнуровой керамики и позднейших европейских популяций [1, 2] – весомый аргумент в пользу теории степной прародины индоевропейцев. Дополнительными аргументами являются генетическая преемственность между носителями хвалынской и ямной культур, а также отсутствие каких-либо генетических указаний на миграцию в степь с запада [1, 3]. Еще до работ генетиков автохтонность ямного населения была доказана антропологами [4].

Однако события III тыс. до н.э., в частности «ямная» экспансия, не относятся к начальному этапу индоевропейской истории. Он отражен в лингвистических данных, а именно в признаваемой большинством лингвистов максимальной древности анатолийской ветви в пределах индоевропейской семьи. Согласно С.А. Старостину, хеттский язык обособился в V тыс. до н.э. [5]. Как примирить этот факт с автохтонностью степного населения? Связи Анатолии со степью могли осуществляться по двум коридорам – западному (балканскому) и восточному (кавказскому). Рассмотрим их по очереди (третий путь – закаспийский – кажется маловероятным).

Балканский коридор. На нем сосредотачивают внимание сторонники двух теорий индоевропейской прародины – степной и центральноевропейской. Первые постулируют миграцию носителей раннеэнеолитической суворовской культуры с Нижнего Дуная на юг во второй половине V тыс. до н.э. и связывают эту миграцию с распространением праанатолийского языка [6, ср.: 7].

Один из главных показателей экспансии степных племен – керамика с примесью дробленой ракушки, появляющаяся в степях еще в неолите, в начале VI тыс. до н.э. [8. С. 58, 63]. Исследователям Кукутень–Триполья она известна как тип «Кукутень С» [9. С. 42; 10–12]. Ее появление в трипольской среде связано с носителями скелянской культуры (близкой к суворовской), которые проникли туда с Нижнего Днестра на стадии Кукутень А3–А4 – Триполье VI (или даже в

конце стадии Прекукутень – Триполье А) во второй половине V тыс. до н.э. и принесли с собой чуждую этой культуре и более примитивную технологию изготовления посуды [11]. В первой половине IV тыс. до н.э. керамика с примесью ракушки появляется на Нижнем Дунае (культура Чернаводэ I), но лишь во второй половине IV – начале III тыс., на стадии Баден–Усатово–Езеро, она проникает на Балканы вместе с элементами степного погребального обряда [13].

Традиционным показателем индоевропейских миграций служит шнуровой орнамент на керамике. Как полагают, данная традиция зародилась в дереивской культуре Украины конца V – начала IV тыс. до н.э. [14. С. 103–104], а оттуда быстро проникла в ареал Кукутень–Триполье и далее на юг. Древнейшая разновидность шнурового узора – так называемая гусеничка – встречается на керамике Кукутень С. Время ее появления на Балканах, в комплексе Бубань–Сэлкуца–Криводол, примерно то же, что и в предполагаемом очаге возникновения, – ранний энеолит (конец V – начало IV тыс.) [13]. Однако в этот период она встречается там лишь изредка и обычно на сосудах местных форм, тогда как массовое ее распространение происходит только с конца IV тыс. [Там же].

Другие признаки предполагаемой миграции из степей спорны из-за проблем с хронологией. Это касается, в частности, каменных зооморфных предметов – так называемых скипетров – второй половины V тыс. до н.э. Их находят на огромной территории от Южного Приуралья до Македонии. Радиоуглеродные даты, многие из которых, полученные по костям, завышены из-за резервуарного эффекта (таковы даты хвалынских могильников) [15. Р. 482], не позволяют на их основании судить о том, где эти изделия возникли. В.А. Дергачев и Д. Энтони вслед за В.Н. Даниленко и М. Гимбутас считают, что скипетры распространялись с востока на запад – от хвалынского ареала к трипольскому, оттуда в Нижнее Подунавье (культура Чернаводэ I) и далее в Карпато-Балканский регион, в ареал комплекса Бубань–Сэлкуца–Криводол, а главным фактором их распространения была первая волна экспансии степных

скотоводов-кочевников в ареал оседло-земледельческих племен [7. С. 145–148; 15. Р. 234].

Приверженцы центральноевропейской теории придерживаются противоположного взгляда. Л.С. Клейн полагает, что скипетры были принесены с Дуная на Волгу «подвижными скотоводами с северо-запада» [16. С. 84–96, 372–378]. И.В. Манзура утверждает, что все элементы культуры, которые со времен В.Н. Даниленко и М. Гимбутас считались показателями экспансии степных племен на запад, на самом деле отражают миграцию земледельцев на восток [12]. Близкие взгляды высказывает Б. Говедарица, полагающий, что носители скипетров, переселившись из ареала Кукутень–Триполье в степь, превратились в местную элиту [17. S. 47]. Н.А. Николаева связывает скипетры с миграцией пастушеских племен раннебаденского круга вниз по Дунаю [18].

Центральноевропейской теории противоречат генетические данные о резком отличии степного населения от большинства изученных групп зарубежной Европы неолита и энеолита [1]. Это относится и к носителям культуры воронковидных кубков (КВК), которых иногда считают предками баденцев и ранними индоевропейцами. Контраст между степными группами и центральноевропейскими выявлен и по краниометрическим данным [4, 19]. Степные краниометрические параллели серии КВК из Осторфа [4] заслуживают внимания, но они единичны.

Нейтральную позицию в споре о скипетрах занимает Ю.Я. Рассакин, по мнению которого, этими предметами владели торговцы – посредники между земледельческими культурами и степными сообществами [20. Р. 102]. С.Н. Корневский и А. Булатович считают скипетры «межкультурными» предметами, не связанными с какой-либо конкретной группой [13. Р. 110; 21. С. 138]. Напрашивается параллель с гораздо более поздним «сейминско-турбинским транскультурным феноменом», также вызванным бурными событиями в истории Евразии, дальними миграциями и эстафетной передачей традиций [22. С. 269–287]. В раннем энеолите Балкан скипетры, подобно шнуровой керамике, крайне редки, керамика Кукутень С отсутствует, нет и черт степного обряда. По мнению А. Булатовича, говорить о присутствии там в эту эпоху каких-либо групп мигрантов с севера невозможно.

Итак, археологический материал позволяет заключить, что проникновение индоевропейских групп в Анатолию по балканскому коридору произошло не ранее рубежа IV и III тыс. до н.э. О том же свидетельствуют и самые ранние горизонты Трои [16. С. 84–88]. В Юго-Восточной Европе в это время существовал колесный транспорт. Этот факт документируется баденскими моделями повозок – а именно носителей баденской культуры Л.С. Клейн считает предками хеттов [16]. Чем же тогда объяснить, что в хеттском языке не было двух главных слов, обозначающих колесо в прочих индоевропейских языках (в тохарских одно из них

обозначало повозку)? [23. Ч. II. С. 719–720]. Д. Риндж считает данный факт, как и общий архаизм хетто-лувийских языков, свидетельством того, что данная ветвь отделилась от протоиндоевропейского ствола до того, как был изобретен колесный транспорт [6]. О том же свидетельствует и глоттохронология. Итак, анатолийцы были изолированы от прочих индоевропейцев с V тыс. до н.э. Балканский сценарий не дает объяснения этому факту, ведь археология свидетельствует не об однократной, дальней миграции, а о постепенном просачивании групп с севера в сторону Анатолии. Все это заставляет рассмотреть альтернативный сценарий – кавказский.

Кавказский коридор. Какие-то индоевропейские группы, в том числе предки хеттов, могли жить на Ближнем Востоке и до предполагаемой миграции с Балкан. Неиндоевропейский (хаттский) субстрат в анатолийских языках обычно считают свидетельством миграции индоевропейцев в Анатолию с запада. Но целый ряд лингвистических фактов указывает на то, что они прибыли туда с востока [23. Ч. II. С. 895–898].

С Ближнего Востока часть ранних индоевропейцев могла продвинуться и на север, в степь, по кавказскому коридору. В теориях ближневосточной прародины этот путь играет подчиненную роль: Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов придают главное значение закаспийскому маршруту, К. Ренфру – балканскому. Между тем движение с юга на север через Кавказ началось, судя по археологическим данным, еще в доиндоевропейскую эпоху – в начале неолита, если не раньше [8. С. 59; 24. С. 65–68]. О том, что кавказский маршрут сохранял значение и в более позднюю эпоху, свидетельствуют данные о контактах ранних индоевропейцев с семитами, картвелами [23. Ч. II. С. 870–880] и северокавказцами [25]. Эти связи документированы лучше, чем контакты протоиндоевропейцев с протоуральцами, вызывающие большие сомнения [6; 25; 26. С. 18–19, 27].

О движении населения из Закавказья в степи свидетельствует и генетика. В генофонде носителей ямной культуры (бесспорных индоевропейцев) недавно был обнаружен значительный аутосомный компонент кавказского происхождения. Впервые его нашли у представителей верхнепалеолитического и мезолитического населения Западной Грузии и обозначили аббревиатурой CHG (от “Caucasian hunter-gatherers”). Он резко отличается от того ближневосточного компонента (EF, от “Early farmers”), который был принесен ранними земледельцами из Анатолии на Балканы и распространился вплоть до Северной Европы [3, 28]. Компонент EF был отличительной чертой генофонда представителей «старой Европы» (в понимании М. Гимбутас), в том числе и людей КВК, и явно не имел отношения к индоевропейцам.

Все это заставляет вспомнить то, что индоевропейская речь была заимствована степным населением от носителей майкопской культуры IV тыс. до н.э., которые были предками хеттов [29]. В связи с вопросом о

прародине последних интересно, что, согласно М.В. Андреевой, майкопское искусство ближе к шимшарскому, чем к азиатскому [30]. Но компонент CHG проник в степь не в IV тыс., а раньше – его обнаружили и у людей хвалынской культуры V тыс. до н.э., а они, судя по генетическим и археологическим данным, были предками ямного населения [28]. Конечно, CHG мог проникнуть в степь еще раньше, но археологические данные позволяют предположительно отнести это событие именно к V тыс.

Особого внимания в данной связи заслуживают связи майкопских памятников Закубанья конца V тыс. до н.э. с хвалынскими, среднестоговскими и скелянскими, ведь именно в эту эпоху, предположительно, обособилась азиатская ветвь. Исключительно важен памятник с детальной стратиграфией – крепость Мешоко, где прослежено постепенное и технологически естественное изменение керамики от высококачественной тонкостенной, свидетельствующей о миграции с Ближнего Востока еще в майкопское время, ко все более грубой с накольчато-жемчужным орнаментом ([31] и мои неопубликованные данные). Последняя могла изготавливаться местным населением – возможно, носителями одного из северокавказских языков. Но заимствования из протоиндоевропейского в протоиндоевропейский произошли, видимо, раньше – еще на Ближнем Востоке [25].

В средних слоях Мешоко найдены несколько фрагментов керамики с примесью дробленой ракушки. Она украшена оттисками зубчатого штампа, реже жемчужинами, и близка типу Кукутень С (см. выше). В майкопской крепости Свободное керамика с примесью дробленой ракушки преобладает [32]. Связи майкопских памятников со скелянскими уже отмечались на основании керамики [20. С. 78–80; 32]. К этому следует добавить находку заготовки для крестовидной булавы в Мешоко, в комплексе, связанном с верхними слоями [33. С. 138, 161; ср.: 34], и обломок зооморфного скипетра на майкопском поселении Ясенева Поляна [21. С. 147].

Постепенная деградация керамического производства в Мешоко при том, что кремневая индустрия на позднем этапе, наоборот, переживает некий ренессанс, свидетельствует о встрече резко различных традиций [35]. И хотя южная традиция в материальной культуре на этой стадии была вытеснена (крепость Мешоко, построенная южанами, была, видимо, взята штурмом [33]), она затем возродилась в майкопской культуре. Этому могли способствовать раннее заимствование индоевропейской речи жителями степи (первоначально, может быть, наиболее активными из них – скелянцами) у мигрантов с юга и смешение между ними. Допустив это, мы сблизим археологические данные с генетическими и лингвистическими. Тогда время дивер-

генции азиатских и прочих индоевропейских языков совпадет со временем первой миграции с Ближнего Востока на Северный Кавказ. Условие, которому не удовлетворяет балканский сценарий (полная изоляция азиатских от прочих индоевропейцев с V тыс. до н.э. в результате односторонней, дальней миграции), здесь соблюдено.

В результате этой миграции индоевропейская (индо-хеттская) семья языков разделилась на две изолированные половины, одна из которых включала праанатолийский (на нем говорили потомки индо-хеттов, оставшихся на Ближнем Востоке), а другая – степной индоевропейский, давший начало всем позднейшим ветвям данной семьи, кроме азиатской. Следовательно, миграции дочерних индоевропейских групп (предков греков, армян и др.) по балканскому коридору на юг имели место уже после индоевропеизации степи, а затем и Центральной Европы. Степной индоевропейский в этом сценарии имеет мало общего с постулированным К. Ренфру одноименным протоязыком, возникшим якобы в результате миграции из Анатолии на Балканы, затем в Центральную Европу и лишь оттуда в степи [36]. Генетические данные полностью опровергают такой сценарий.

Анализ фактов, относящихся к разным дисциплинам, позволяет заключить, что их противоречивость кажущаяся. Она вызвана молчаливым и неверным допущением, лежащим в основе большинства теорий индоевропейской прародины – и ближневосточной, и центральноевропейской, и степной: языковые и генетические корни индоевропейцев следует якобы искать в одном месте. Генетика показывает, что это не так. Продемонстрированная генетиками и антропологами автохтонность степного населения эпох энеолита и ранней бронзы не противоречит присутствию у него существенного кавказского компонента. Возможно, его носители и были теми, кто принес индоевропейскую речь в степь. Языки, в отличие от популяций, не смешиваются, а сменяют друг друга. Поэтому, если гипотеза подтвердится, то придется признать, что у древнейшей индоевропейской популяции степей было два генетических корня: главный – в степях, добавочный – на Ближнем Востоке, между тем как у протоиндоевропейского (индо-хеттского) языка был всего один корень – ближневосточный.

Я признателен всем принявшим участие в обсуждение тезисной версии данной статьи на сайтах Генфонд.рф [37] и Academia.edu [38], в первую очередь моему учителю – выдающемуся индоевропеисту Л.С. Клейну. Его беспощадная критика мне очень помогла, как помогла и в студенческие годы. Льву Самуиловичу я с глубочайшей благодарностью посвящаю эту статью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Haak W., Lazaridis I., Patterson N. et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 207–211.
2. Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. Vol. 522. P. 167–172.
3. Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // *Nature*. 2015. Vol. 528, № 7583. P. 499–503.
4. Козинцев А.Г. Краниометрия населения южнорусских и украинских степей (в связи с индоевропейской проблемой) // Международная научная конференция «Население юга России с древнейших времен до наших дней». Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 34–36.
5. Blažek V. On the internal classification of Indo-European languages: survey // *Linguistica Online*. 2005. URL: <http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/blazek/bla-003.pdf>, free (access data: 27.03.2016).
6. Anthony D.W., Ringe D. The Indo-European homeland from linguistic and archaeological perspectives // *Annual Review of Linguistics*. 2015. Vol. 1. P. 199–219.
7. Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб. : Нестор-История, 2007. 488 с.
8. Котова Н.С. Древнейшая керамика Украины. Киев ; Харьков : Майдан, 2015. 154 с.
9. Schmidt H. Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien. Berlin; Leipzig : Walter de Gruyter, 1932. 131 S., 44 Taf.
10. Мовша Т.Г. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // *Советская археология*. 1961. № 2. С. 186–199.
11. Палагуца И.В. К проблеме связей Триполья–Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // *Российская археология*. 1998. № 1. С. 5–14.
12. Манзура И.В. Владеющие скипетрами // *Stratum Plus*. 2000. № 2. С. 237–295.
13. Bulatović A. Corded ware in the Central and Southern Balkans: A consequence of cultural interaction or an indication of ethnic change? // *Journ. of Indo-European Studies*. 2014. Vol. 42, № 1–2. P. 101–143.
14. Котова Н.С. Деревянная культура и памятники нижнемихайловского типа. Киев ; Харьков : Майдан, 2013. 486 с.
15. Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language. Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2007. 553 p.
16. Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб. : Евразия, 2010. 496 с.
17. Govedarica B., Manzura I. Grundzüge einer Kulturgeschichte des nordwestlichen Schwarzmeergebietes im 5. und 4. Jahrtausend v. Chr. // *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.)*. Rahden : Verlag Marie Leidorf, 2011. Bd. 2. S. 41–61.
18. Николаева Н.А. К вопросу о хронологии каменных скипетров эпохи энеолита/бронзового века // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 2012. С. 80–86.
19. Казарницкий А.А. Население эпохи бронзы в степях Северо-Западного Прикаспия // *Записки Института истории материальной культуры РАН*. 2011. № 6. С. 133–142.
20. Rassamakin Y. The Eneolithic of the Black Sea steppe: Dynamics of cultural and economic development 4500–2300 BC // *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe*. Oxford : Oxbow Books, 1999. P. 59–182.
21. Корневский С.Н. Символика атрибутов духовной власти эпохи энеолита Восточной Европы и Предкавказья – каменных зооморфных скипетров // *Археология восточно-европейской степи*. Саратов : СГУ, 2008. Вып. 6. С. 135–156.
22. Черных Е.Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. М. : Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. 368 с.
23. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Ч. I, II. 1330 с.
24. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М. : Наука, 1965. 160 с.
25. Старостин С.А. Indo-European among other language families: problems of dating, contacts, and genetic relationships // *Старостин С.А. Труды по языкознанию*. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 806–820.
26. Напольских В.В. Очерки по этнической истории. Казань : Казанская недвижимость, 2015. 648 с.
27. Kassian A., Zhivlov M., Starostin G. Proto-Indo-European-Uralic comparison from the probabilistic point of view // *Journal of Indo-European Studies*. 2015. Vol. 43. № 3–4. P. 301–392.
28. Jones E.R., Gonzalez-Forbes G., Connell S. et al. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // *Nature Communications*. 2015. № 6. P. 8912.
29. Kristiansen K. The Bronze Age expansion of the Indo-European languages // *Becoming European: The Transformation of Third Millennium Northern and Western Europe*. Oxford : Oxbow Books, 2011. P. 165–181.
30. Андреева М.В. Майкопские и куро-аракские сосуды в роли культурных знаков: опыт сравнительного анализа // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы*. Л. : ЛОИА АН СССР, 1991. С. 45–49.
31. Резепкин А.Д. Энеолитическое поселение Мешоко // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар : Изд-во КубанГУ, 2005. Вып. 5. С. 73–93.
32. Нехаев А.А. Домайкопская культура Северного Кавказа // *Археологические вести*. СПб. : ИИМК РАН, 1992. № 1. С. 76–96.
33. Столяр А.Д. Отчет о работах Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1964 г. // *Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья*. СПб., 2009. С. 136–167.
34. Говедарица Б. Каменные крестовидные булавы медного века на территории Юго-Восточной и Восточной Европы // *Stratum Plus*. 2005–2009. № 2. С. 419–437.
35. Столяр А.Д. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // *Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1963 г.* Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1964. С. 31–32.
36. Renfrew C. The Tarim Basin, Tocharian, and Indo-European origins: a view from the West // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Washington : Institute for the Study of Man, 1998. P. 202–212.
37. Клейн Л.С. Реакция на томский поворот А.Г. Козинцева. Дискуссия // *Генофонд.рф*. 2016. URL: http://генофонд.рф/?page_id=7979, свободный (дата обращения: 21.05.2016).
38. Козинцев А.Г. О начальном периоде индоевропейской истории. Дискуссия // *Academia.edu*. 2016. URL: <https://kunstkamera.academia.edu/AlexanderKozintsev>, свободный (дата обращения: 21.05.2016).

Kozintsev Alexander G. Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS (S-Peterburg). E-mail: agkozintsev@gmail.com

THE EARLIEST STAGE OF INDO-EUROPEAN HISTORY: EVIDENCE OF LINGUISTICS, PALEOGENETICS, AND ARCHAEOLOGY.

Keywords: Indo-Europeans; Indo-European homeland; Indo-European migrations; Chalcolithic.

Two scenarios explaining the early separation of the Anatolian branch of Indo-European (IE) language family (5th millennium BC, according to S.A. Starostin) are examined. The Balkan scenario is used by followers of the Steppe and Central European theories of IE homeland. The former theory is supported and the latter refuted by genetic data. The steppe theory identifies ancestral Anatolians with Suvorovo people, who moved from the northwestern Black Sea area to the Balkans. But judging by archaeological indicators (shell-

tempered pottery of Cucuteni C type, cord decoration, zoomorphous scepters, elements of the steppe burial rite), IE groups moved toward the Balkans gradually and entered Anatolia no earlier than 3000 BC, when people of southeastern Europe used wheeled transport. The Hittite language, on the other hand, lacked two words denoting the wheel (or wagon) in other IE languages, implying that Anatolians had been isolated from other Indo-Europeans since the 5th millennium BC. The Balkan scenario, which excludes a single rapid migration, cannot account for that. Therefore, an alternative must be considered – the Caucasian scenario, assuming an early presence of proto-Indo-Europeans in the Near East. This scenario can explain the long isolation of Anatolians. Apparently, a Near Eastern IE group migrated to northeastern Caucasus in the 5th millennium BC. Its presence there is documented by high-quality Near Eastern type ware in the lower strata of the pre-Maikop fortress Meshoko. Later, the southern tradition was displaced by two others. One was marked by pottery decorated with punched nodes and possibly manufactured by speakers of a North Caucasian language. The other was a steppe tradition, probably associated with Skelya culture (akin to Suvorovo) and evidenced by ceramic forms and shell temper resembling Cucuteni C at Svobodnoe and Meshoko, cruciform mace-head at Meshoko, and fragment of zoomorphous scepter at Yasenovaya Polyana. Being the most active part of the steppe population, the Skelya people may have adopted an IE language from the Near Eastern immigrants. This steppe IE dialect gave rise to all IE languages except the Anatolian branch, which was autochthonous in the Near East. The hypothesis is upheld by a Caucasian component in the gene pool of the Khvalynsk and Yamnaya people. Southerly migrations of filial IE groups ancestral to Greeks, Armenians, and Albanians along the Balkan route occurred after the emergence of the steppe IE language.

REFERENCES

- Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N. et al. (2015) Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*. 522(7555). pp. 207-211. DOI: 10.1038/nature14317
- Allentoft, M.E., Sikora, M., Sjögren, K.-G. et al. (2015) Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*. 522. pp. 167-172. DOI: 10.1038/nature14507
- Mathieson, I., Lazaridis, I., Rohland, N. et al. (2015) Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. *Nature*. 528(7583). pp. 499-503. DOI: 10.1038/nature16152
- Kozintsev, A.G. (2013) [Craniometry of the population in southern Russian and Ukrainian steppes (in connection with the Indo-European problem)]. *Naselenie yuga Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The population of the South Russia from ancient times to the present day]. International Conference. Rostov-on-Don: RAS. pp. 34-36. (In Russian).
- Blažek, V. (2005) On the internal classification of Indo-European languages: survey. *Linguistica Online*. [Online] Available from: <http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/blazek/bla-003.pdf>. (Accessed: 27th March 2016).
- Anthony, D.W. & Ringe, D. (2015) The Indo-European homeland from linguistic and archaeological perspectives. *Annual Review of Linguistics*. 1. pp. 199-219. DOI: 10.1146/annurev-linguist-030514-124812
- Dergachev, V.A. (2007) *O skipetrakh, o lozhadyakh, o voyne. Etyudy v zashchitu migratsionnoy kontseptsii M. Gimbutas* [About scepters, about horseshoes, about the war. The studies in support of M. Gimbutas' migration concept]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Kotova, N.S. (2015) *Drevneyshaya keramika Ukrainy* [The ancient ceramics of Ukraine]. Kiev; Kharkov: Maydan.
- Schmidt, H. (1932) *Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien* [The Cucuteni in the upper Vltava, Romania]. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter.
- Movsha, T.G. (1961) O svyazyakh plemen tripol'skoy kul'tury so stepnymi plemenami mednogo veka [On the connections of the Tripoli culture tribes with the Copper Age steppe tribes]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 186-199.
- Palaguta, I.V. (1998) K probleme svyazey Tripol'ya-Kukuteni s kul'turami eneolita stepnoy zony Severnogo Prichernomor'ya [On the connections of the Tripoli-Cucuteni with Eneolithic cultures of the the Northern Black Sea steppe]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 5-14.
- Manzura, I.V. (2000) Vladeyushchie skipetrami [Holding scepters]. *Stratum Plus*. 2. pp. 237-295.
- Bulatović, A. (2014) Corded ware in the Central and Southern Balkans: A consequence of cultural interaction or an indication of ethnic change? *Journal of Indo-European Studies*. 42(1-2). pp. 101-143.
- Kotova, N.S. (2013) *Dereivskaya kul'tura i pamyatniki nizhnemikhaylovskogo tipa* [The Dereivka Culture and the Sites of the Nizhnemikhailovsky type]. Kiev; Khar'kov: Maydan.
- Anthony, D.W. (2007) *The Horse, the Wheel, and Language*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.
- Klein, L.S. (2010) *Vremya kentavrov. Stepnaya prarodina grekov i ariev* [The Centaurs time. The steppe homeland of the Greeks and Aryans]. St. Petersburg: Evraziya.
- Govedarica, B. & Manzura, I. (2011) Grundzüge einer Kulturgeschichte des nordwestlichen Schwarzmeergebietes im 5. und 4. Jahrtausend v. Chr. [Outlines of a cultural history of the northwestern Black Sea region in the 5th and 4th millennium BC]. In: Sava, E., Govedarica, B. & Hänsel, B. (eds) *Der Schwarzmeerraum vom Aneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.)* [The Black Sea area from the Eneolithic to the early Iron Age (5000-500 BC)]. Vol. 2. Rahden: Verlag Marie Leidorf. pp. 41-61.
- Nikolaeva, N.A. (2012) K voprosu o khronologii kamennykh skipetrov epokhi eneolita/bronzovogo veka [On the chronology of Eneolithic/Bronze Age stone scepters]. In: Alekshin, V.A., Bobrovskaya, E.V., Dluzhnevskaya, G.V., Kashuba, M.T. et al. (eds) *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Eurasian steppe cultures and their interaction with the ancient civilizations]. St. Petersburg: RAS. pp. 80-86.
- Kazarnitskiy, A.A. (2011) Naselenie epokhi bronzy v stepyakh severo-zapadnogo Prikaspiya [The Bronze Age population in the north-western Caspian steppes]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN*. 6. pp. 133-142.
- Rassamakin, Y. (1999) The Eneolithic of the Black Sea steppe: Dynamics of cultural and economic development 4500–2300 BC. In: Levine, M., Rassamakin, Yu., Kislenko, A. & Tatarintseva, N. *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe*. Oxford: Oxbow Books. pp. 59-182.
- Korenevskiy, S.N. (2008) Simvolika atributov dukhovnoy vlasti epokhi eneolita Vostochnoy Evropy i Predkavkaz'ya – kamennykh zoomorfnykh skipetrov [The symbolism of the spiritual power attributes in the Eneolithic Eastern Europe and Ciscaucasia – zoomorphic stone scepters]. In: Lopatin, V.A. (ed.) *Arkheologiya vostochno-evropeyskoy stepi* [Archaeology of the Eastern European steppe]. Saratov: Saratov State University. pp. 135-156.
- Chernykh, E.N. (2013) *Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziyskogo mira* [The nomadic cultures in the megastructure of the Eurasian world]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Gamkrelidze, T.V. & Ivanov, Vyach.V. (1984) *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy* [Indo-European languages and Indo-Europeans]. Tbilisi: Tbilisi State University.
- Formozov, A.A. (1965) *Kamennyy vek i eneolit Prikuban'ya* [The Stone Age and Eneolithic Kuban]. Moscow: Nauka.
- Starostin, S.A. (2007) *Trudy po yazykoznaniyu* [Indo-European among other language families: problems of dating, contacts, and genetic relationships]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 806-820.
- Napolskikh, V.V. (2015) *Ocherki po etnicheskoy istorii* [Essays on the ethnic history]. Kazan: Kazanskaya nedvizhimost'.
- Kassian, A., Zhivlov, M. & Starostin, G. (2015) Proto-Indo-European-Uralic comparison from the probabilistic point of view. *Journal of Indo-European Studies*. 43(3-4). pp. 301-392.
- Jones, E.R., Gonzalez-Fortes, G., Connell, S. et al. (2015) Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians. *Nature Communications*. 6. DOI: 10.1038/ncomms9912

29. Kristiansen, K. (2011) The Bronze Age expansion of the Indo-European languages. In: Glorstad, H. & Prescott, C. (eds) *Becoming European: The Transformation of Third Millennium Northern and Western Europe*. Oxford: Oxbow Books. pp. 165-181.
30. Andreeva, M.V. (1991) Maykopskie i kuro-arakskie sosudy v roli kul'turnykh znakov: opyt sravnitel'nogo analiza [Maikop and Kura-Araks vessels as cultural signs: A comparative analysis]. Trifonov, V.A. (ed.) *Maykopskiy fenomen v drevney istorii Kavkaza i Vostochnoy Evropy* [The Maikop phenomenon in the ancient history of the Caucasus and Eastern Europe]. Leningrad: USSR AS. pp. 45-49.
31. Rezepkin, A.D. (2005) Eneoliticheskoe poselenie Meshoko [The Chalcolithic settlement of Meshoko]. In: Marchenko, I.I. (ed.) *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and research on archaeology of Kuban]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 73-93.
32. Nekhaev, A.A. (1992) The Pre-Maikop culture of the North Caucasus. *Arkheologicheskie vesti – Archeological News*. 1. pp. 76-96. (In Russian).
33. Stolyar, A.D. (2009) Otchet o rabotakh Severokavkazskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 1964 g. [The report on the work of the State Hermitage North Caucasian expedition in 1964]. In: Stolyar, A.D. & Formozov, A.A. *Meshoko – drevneyshaya krepost' Predkavkaz'ya* [Meshoko – the most ancient castle in Ciscaucasia]. St. Petersburg: The State Hermitage. pp. 136-167.
34. Govedaritsa, B. (2005–2009) Kamennye krestovidnye bulavy mednogo veka na territorii Yugo-vostochnoy i Vostochnoy Evropy [The Copper Age stone cruciform maces in South-Eastern and Eastern Europe]. *Stratum Plus*. 2. pp. 419-437.
35. Stolyar, A.D. (1964) Poselenie Meshoko i problema dvukh kul'tur kubanskogo eneolita [Meshoko and the two cultures of the Chalcolithic Kuban]. In: Stolyar, A.D. et al. *Tezisy dokladov nauchnoy sessii, posvyashchennoy itogam raboty Gosudarstvennogo Ermitazha za 1963 g.* [Abstracts of session devoted to the results of the State Hermitage activities for 1963]. Leningrad: The State Hermitage. pp. 31–32.
36. Renfrew, C. (1998) The Tarim Basin, Tocharian, and Indo-European origins: a view from the West. In: Mair, V.H. (ed.) *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Washington: Institute for the Study of Man. pp. 202-212.
37. Klein, L.S. (2016) *Reaktsiya na tomskiy povorot A.G. Kozintseva. Diskussiya* [Reaction to A.G. Kozintsev's Tomsk turn. Discussion]. [Online] Available from: http://genofond.rf/?page_id=7979. (Accessed: 21st May 2016).
38. Kozintsev, A.G. (2016) *O nachal'nom periode indoevropeyskoy istorii. Diskussiya* [On the initial stage of the Indo-European history. Discussion]. [Online] Available from: <https://kunstkamera.academia.edu/AlexanderKozintsev>. (Accessed: 21st May 2016).